

ОДИССЕЕВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПОЭЗИИ К. МИХЕЕВА

Мотивы и образы античной мифологии пронизывают поэзию Константина Михеева, каждое стихотворение которого насыщено культурными реалиями и метафорами. Сквозь призму античности К. Михеев воспринимает современность, поэтому столь важную роль играет у него мифопоэтика, сращивающая настоящее и прошлое, служащая для воплощения универсальных понятий.

Следует отметить в стихах К. Михеева многочисленные обращения к образу Одиссея/Улисса, который привлекал разных писателей своей емкостью, позволяющей видеть в нем как универсальное проявление человеческой судьбы, так и нечто сугубо личное. Несмотря на то, что каждый автор акцентирует внимание на отдельных компонентах античного образа, всегда сохраняется его узнаваемая основа – странничество и мысль о возвращении домой. Эти идеи гомеровского эпоса развернуты в русской литературной традиции до метафоры жизни как удивительного и трудного странствия, до метафоры возвращения домой как обретения своего истинного «я» (см., например, стихотворения «Судьба Одиссея» (1795), «Воспоминания» (1815) К. Н. Батюшкова, «Одиссей у Калипсо» (1920), «Я», «Одиссей у берега феаков» (1921) В. Я. Брюсова, «Одиссей Телемаку» (1972), «Итака» (1993), И. А. Бродского и др.).

Трансформируясь и постепенно приобретая новое смысловое наполнение, образ Одиссея/Улисса возникает на протяжении всего творчества К. Михеева. Этот образ может быть периферийным в тексте (как, напри-

мер, в стихотворении «Телемаку – с любовью и сожалением») или становится центральным (как в стихотворении «Продолжение «Одиссеи»).

Первое упоминание античного героя и связанных с ним сюжетов встречается в стихотворении современного русскоязычного поэта «Продолжение «Одиссеи». Это произведение можно интерпретировать как своеобразную подготовку к размышлениям о значимости фигуры Одиссея, а главное об универсальности своего героя. Одиссей у К. Михеева – это портрет «героя нашего времени», портрет человека переходной эпохи (в данном контексте – рубежа XX–XXI вв.). Поэт стремится раскрыть не только внутренние качества современного ему Одиссея, но и показать его особую роль и предназначение в мировой истории и литературной традиции:

*Иногда понимаешь, что остров, к которому плыл ты
девять лет, девятнадцать, а может быть, все де-
вяносто, –
это вымысел, блеф, а реальность – бетонные
плиты...*

<...>

*Полно верить в судьбу и гоняться за горькою славою
по задворкам вселенной, ведь ты же уже не младенец.
Смрад свободы вдыхает без радости грудью кост-
лявой*

*многобожнец – воитель и, стыдно сказать, много-
женец [1, 55].*

Но доминирующим этот образ становится в цикле «Троика», который начинается стихотворением «Елена, царица печальная», задающим эмоциональный тон всему циклу, и заканчивается триптихом «Улисс», отсылающим читателя еще и к роману Д. Джойса.

Исследование стихотворного цикла «Троика» Константина Михеева, повествование в котором ведется от первого лица (форма рассказа от первого лица используется и Гомером для рассказа о странствиях Одиссея), с позиций его структуры приводит к мысли о том, что стихотворения, которые современный автор выстраивает по собственной схеме, создают новую «Одиссею». Читая произведения поэта, будто бы следуешь по стопам Одиссея, оказываясь в центре событий, происходивших с героем. Так, каждое стихотворение Михеева имеет название, отсылающее читателя к определенным эпизодам из гомеровской «Одиссеи»: «Телемаху – с любовью и сожалением», «Каллипсо – в знак скорби и памяти», «Лестригоны», «Навсикая», «Стансы к Цирнее», «Пенелопа», «Сирень», «Итака», «Улисс».

Связь лирического героя стихотворений К. Михеева с образом героя античной мифологии является опосредованной. Если он и отождествляет себя с Одиссеем, то это уже не совсем гомеровский Одиссей. В стихотворении «Каллипсо – в знак скорби и памяти» есть детали, привязывающие его к сюжету мифа, и в тоже время мы видим современного нам Одиссея:

Семь лет я верил в лик твой золотобуй.

*Я мог бы обождать до девяти,
как некогда, но зноиных брызгов трубы
пропели мне, что должен я уйти [1, 139].*

Тема Одиссея заявлена напрямую и в стихотворении «Пенелопа» – «неустанность и верность» Пенелопы, «разлука», «шрам на ноге», «парус» и «ладья»:

Поденщики-года идут уныло.

Ты саван ткешь, не покидая рук,

<...>

*и трется нить с удвоенною силой
о средоточье всех земных разлук [1, 145–146].*

И здесь же она сталкивается с темой одиночества человека в мире, будь то далекая античность или XX век, поскольку «мир слеп и слаб. Необоримо время. / Как люди, одиноки острова» [1, 146]:

*Но пурпур век бессонных, слово пало,
откнув, в сотый раз глаза твои
взирают в мир, где в далах сухих, голых,
в забвеньи, в запустеньи, в забытых
мерцают парус брошенной ладьи,
как сердца одинокого осолок [1, 146]*

С образом Одиссея связан мотив Судьбы, характерный в целом для всего творчества К. Михеева. Мотив судьбы, рока встречается во многих стихотворениях цикла «Троика»: «Лестригоны», «Пенелопа», «Дорифоры». С одной стороны, лирический герой верит в судьбу и готов исполнять веления рока:

*Все равны перед роком, но все же
как от крови отмыть окоем,
как избавить мне руки от дрожи,
все плотнее сплетаясь с копьем? [1, 133]*

*Коль отдан ты Танату, не перечь:
иной под небесами нету дали.*

*Пускай твоя ладья сожмет от боли
не ноженны Судьбы, а ратный меч [1, 136].*

С другой стороны, если у героя есть «парус холщовый», то автор советует ему выстроить «корабль для себя» и отправиться «по свету скитаться»:

*Перехитрить свой рок, пустьись в путь бы,
бессильным мановением руки
седеющие волосы взметнут бы
себе, Богом и ветру вопреки,
перешагнуть года, связя судьбы,
соедняя вновь материи [1, 146].*

Но героя, воспринявшего судьбу, ожидает смерть, потому что боги жестоки и кровожадны: «Небожители режутся рядом, /на подмогу потомкам придя» [1, 133]. На основной мифологический сюжет в стихотворении «Лестригоны» Михеев накладывает современную ему действительность и приходит к печальному выводу:

*Этот мир был зачат и взлелеян бедой
в ключах туч над згейскою гладью поноурь,
где навстречу судьбе под утешней звездой
на погибель ведут корабли Диоскуры [1, 141].*

У Михеева обнаруживается не просто интерпретация древнейших сюжетов, а использование их в сложных диалогических целях, когда античный персонаж выражает разные комплексы чувств и мыслей нашего современника. Культурный знак не иллюстрируется, а становится компонентом противоречивого многослойного образа-переживания. Показательно в этом отношении стихотворение «Телемаху – с любовью и сожалением». В нём нет стилизации под античность, хотя герой стихотворения становится субъектом текста – послания Одиссея сыну на пути к дому. Есть также немногочисленные детали, привязывающие это стихотворение к сюжету мифа: «спалили город», «вырезали пленных», «ветренная Елена», «деревянные лошади». Но Михеев развешивает миф, «где каждый камень вымыслом пропах, о доблести, о славе, о позоре»:

*Герой Греции! Прекрасен был ваш век,
но слишком чист для злоса. Когда бы
и ты вот так сражался и любил,
мой Телемах... Героев погубил
не Посейдон, а лошади да бабы [1, 138].*

В стихотворении «Улисс» присутствует еще один интереснейший комплекс мотивов, существенно обогащающий представления о теме Одиссея в поэтике Михеева. Если основная черта гомеровского Одиссея – непреодолимое желание вернуться домой, к семье, то Михеев вопрошает своего героя: «О родине ль мечтаешь ты, Улисс?»

*И песнь неумолимо и весомо
объемлет мир наивный и немой,
где человек несетя прочь от дома,
чтобы потом влачиться вновь домой [1, 152].*

Лирические стихотворения К. Михеева, сюжетно связанные со странствиями Одиссея, отсылают читателя не только к поэмам Гомера, но и к роману Д. Джойса «Улисс», и к поэзии И. Бродского.

Отметим тот факт, что стихотворение К. Михеева «Улисс» представляет собой триптих, соотносимый с трехчастной структурой одноименного романа Д. Джойса. В своём гигантском романе, действие которого укладывается в один день, писатель воспроизводит на свой манер и в ступо современных реалиях практически все приключения античного героя. Джойсовские герои навеяны не только гомеровским эпосом, они имеют прототипов в реальности, и они – герои своего времени. Д. Джойс говорил: «Единственная книга из мне известных, которая похожа на мою, – это «Герой нашего времени». <...> Эта книга сильно подействовала на меня» [2]. Ирландский писатель в своём «Улиссе» показал современного ему героя, а Михеев в своём «Улиссе» – модель человека вообще:

*Как боги – люди. Меч из ножен вынут
и жербий бросят наугад во мгу,
сжимаю зубы, спорят, любят, гибнут
и лишь самим себе поют хвалу [1, 152].*

Вторая часть триптиха Константина Михеева написана в форме монолога, поэт использует прием «потока сознания», который, как известно, превалирует в романе Д. Джойса. Улисс рассуждает о своей прошлой жизни и о предназначении в настоящем:

*Не в силах вспомнить и простить никто нас,
лишь сами мы. Но нам кричат: "Пора!"
И вот, как парус, раздувает Хронос
угодья погребального костра.
При жизни и оплачете, и осмейте... " [1, 153].*

Категории «время» и «пространство» обретают универсальный характер. Стихотворение Михеева превращается в повествование о связи времен в истории человечества:

*То, что не в силах выразить мы сами,
случая столетия прозвучит нам вслед,
когда вслепую – зрячими сердцами –
нас вспомнят прорицатель и поэт [1, 153].*

Мифу об Одиссее придается исключительное значение на протяжении веков видимо потому, что Одиссей для многих – первообраз не только человека современной эпохи, но и человека грядущего. Он – странник, скиталец. Его скитания – это путь на Итаку,

то в тоже время это и путь к себе. *«Миф об Одиссее, я думаю, – говорит румынский писатель и исследователь мифологии Мирча Элиаде, – для нас очень важен. В каждом из нас есть что-то от Одиссея, когда мы ищем самих себя, надеемся дойти до цели и тогда уже точно вновь обрести родину, свой очаг, снова найти себя. Но, как в лабиринте, в каждых скитаниях существует риск заблудиться. Если же тебе удастся выйти из лабиринта, добраться до своего очага, тогда ты становишься другим» [3].*

Вариации К. Михеева на тему странствий Одиссея – способ прочесть классику и расширить ее смыслы через современное мироощущение. Всё героическое обесценено и исключено из восприятия К. Михеевым античного персонажа, его имя – лишь знак принадлежности к культуре. Личный аспект состоит, видимо, в том, что поэт ищет спасения от внутреннего разрушения, когда во внешнем мире рушится всё.

Стихотворения цикла «Троица» не содержат деклараций по поводу культуры, но, тем не менее, эта линия прослеживается и оказывается очень важной. В поисках спасения от разрушения К. Михеев обращается к мифу. Миф – точка опоры, способ противостоять разорванной, фрагментарной современности. Миф как вмещающие универсальных свойств человеческой природы придает целостность стихотворениям Михеева, которые наполнены античными аллюзиями.

Литература

1. Михеев, К. Н. Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения / К. Н. Михеев. – М.: Нов. знание, 2002. – 261 с.
2. Киреев, Р. Джойс. Герои и прототипы [Электронный ресурс]. – <http://lit.1september.ru/2001/25/1.html>. – Дата доступа: 13.04.2011.
3. Мирча Элиаде. Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Рокс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/4/lahir.html>. – Дата доступа: 13.04.2011.